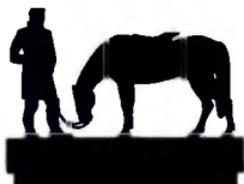
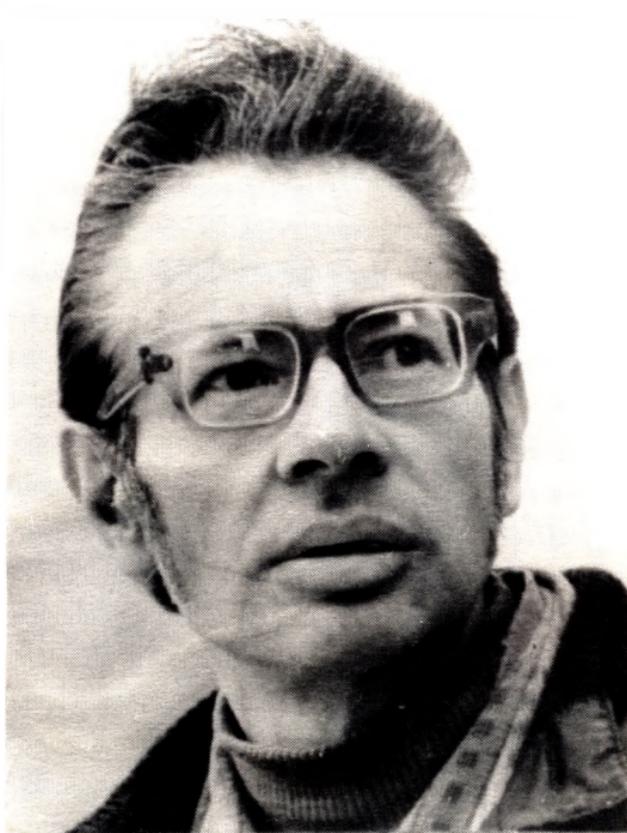

1291168

ВОЛОГДА·XX ВЕК

Борис ЧУЛКОВ

**НА ЗВУЧНОМ
РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

«Вологда. XX век»

Борис ЧУЛКОВ

НА ЗВУЧНОМ
РУССКОМ ЯЗЫКЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Вологда. 1999

Борис ЧУЛКОВ

Борис Александрович Чулков — коренной вологжанин. После школы окончил факультет переводчиков Ленинградского института иностранных языков.

Работал в Вологде преподавателем институтов, а затем долгое время (до 1980 г.) — в газете «Вологодский комсомолец».

Первая книжка стихов была издана в 1960 г. в Вологде — тогда еще здесь было свое государственное издательство.

В 1964 — принят в Союз писателей СССР.

В 1981—1983 гг. прошел Высшие литературные курсы в Москве, на которых в свое время училось большинство вологодских литераторов послевоенного поколения.

В общей сложности издал 10 книжек стихотворений (Вологда, Архангельск, Москва).

В 1999 г. — к 200-летию А. С. Пушкина — выпустил сборник «Муз бессмертная сестра. 1830—2000 гг.» — антологию стихов русских поэтов о знаменитой царскосельской статуе «Девушка с разбитым кувшином».

За создание антологии «Царское Село в поэзии. 1750—2000» (СПб., 1999) удостоен Царскосельской художественной премии за этот год.

Проза, а также книга стихотворных переводов из иноязычных поэтов (в основном немецких) — не изданы.

Настоящая книжка включает в себя как ранние, так и поздние вещи.

* * *

Видишь — ивы входят в речонку,
в опрокинутые небеса;
видишь — ветер, упругий и звонкий,
катит желтые волны овса;
видишь — тропка бежит через клевер
в чуткий шелест берез и осин —
это Север, родной твой Север,
что на целой земле — один...

* * *

Хлебозавод особо уважаю:
там в воздухе не запах — аромат.
Чуть мимо прохожу — и вспоминаю,
как я бывал здесь много лет назад.

Тогда, мальчишкой, шел я через город
сюда, где долгожданный хлеб пекут,—
ведь в двери к нам вовсю стучался голод,
костляв и лют.

Как часто, приходя, вдыхал я этот
ржаного хлеба теплый аромат.
Хотелось завернуть его в газету —
снести домой, где мать, сестра и брат.

Насущный хлеб мы нынче так не ценим,
как в те неизгладимые года,
но этот запах для меня священен —
и навсегда.

* * *

Вечер беден, застенчив и прост.
Ночь — богаче: у ней до рассвета
есть и мелочь серебряных звезд
и луна — золотая монета.

Но со щедрым сияющим днем
не сравнится ничто во Вселенной:
мы в руках у него узнаем
солнце — золота слиток бесценный.

РАДУГА

Семью цветами вспыхнувшая ярко,
она казалась триумфальной аркой.
Но кто ее воздвиг и в честь чего —
какое отмечая торжество?

Над городом вися косою верстою,
она казалась конскою дугою.
Но где же конь, хомут и удила,
которым бы она под стать была?

Повернутая к небу полукругом,
она казалась исполинским луком.
Но где же тот стрелок и стрелы где,
чтоб выстрелить по солнцу иль звезде?

* * *

Хороший август. Щедрая земля
вознаграждает труд людей сторицей.
Светлы на небе краски, и река
не ежится в предчувствии мороза.

Засмотришься в распахнутые полдни,
в сияющие поздним солнцем дали,
и так легко, когда раскрыта дверь
навстречу ветру, свету и прохожим...

* * *

Октябрь. Как будто чаши — молоком,
долины переполнены туманом,
и, ровно у разбитого корыта,
стоишь у груды ржаво-рыжих листьев.

Последний лист трепещется, как рыбка,
попавшая в мережу рыболова,
и осень, как русалка — в темный омут,
глядит во тьму, глядит во мглу и мрак...

ЗИМА

Зима? Прекрасно, что зима!
А в чем она заключена?
В снегах, облапивших дома
и образующих холмы.
Но разве в этом вся зима?
Но все ли здесь черты зимы?
Зима — мороз, зима — метель.
Зима — в сугробе тонет ель.
Зима — седой и свежий сад,
где ветры зычные трубят.
Зима — зеркальный бег коньков,
зима — дорога звонких лыж,
и если ты на них стоишь —
бежишь в поля, в простор снегов,
к реке, сквозь лес, на холм, с холма.
Зима! Прекрасно, что зима!
Пушкой дорога вдаль летит,
пусть машут сосны вдалеке!
Зима, конечно, говорит
на звучном русском языке,
и только русский человек
способен, не сходя с ума,
сказать, увидев первый снег:
«Зима? Прекрасно, что зима!»

ЗИМНЯЯ ПЕСНЯ

Падает
снег.
Падает.
Снег —
без конца,
без края.
Радует это?
Радует!
Радует —
я не скрываю.

Валится
снег.
Валится.
Чистый,
серебряный,
нежный.
Нравится
это?
Нравится!
Нравится
вечер
снежный.

Кружится
снег.
Кружится
в зимней
негромкой
пляске.
Чудится,

вдруг
чудится:
словно ты —
в детстве,
в сказке...

МАТЬ

Морщины на лице — следы резца.
Как изменяются черты лица,
когда своим резцом, ваятель Время,
касаешься ты нашего лица!

Но пусть лицо уже изменено,
пусть старостью оно измождено,—
ты все равно бессильно, скульптор Время:
всегда кому-то дорого оно...

СЕНТЯБРЬ

Не слышно голосов — не оттого ли,
что отдыхают жнейки и серпы?
На выбритом, но колющемся поле
расставлены дородные снопы.

Снопы, снопы — они на поле этом,
как шахматы, безмолвные стоят,
как будто осень здесь играла с летом,
безжалостно ему поставив мат.

* * *

Здесь чистая застенчивая осень,
спокойная, как поступь пастуха;
здесь тихая задумчивая осень,
медлительная, как коровье стадо;
здесь ясная безоблачная осень,
прозрачная, как тонкое стекло;
с высоким небом, светлая, большая
и свежая, как яблоко на ветке...

* * *

В аллеях, где ряды нагих акаций
и черствая пожухлая трава,
на просеках, где ветер, исступленный
и горький, как разбуженный костер,—
не слышно звонких птиц: они умчались,
спасаясь от великой западни,
от клетки исполинской, что зовется
на тусклом языке людей — «зима»...

* * *

От крыльев — гул. Вибрация. Рокочут.
По тембру — самолет из облаков.
Вся комната густой и сонной ночью —
приют для налетевших мотыльков.

Зачем летят? Иль, может быть, они там
изнемогли в глухой и горькой мгле
и их влечет и тянет, как магнитом,
подобье солнца — лампа на столе?

* * *

Теперь, когда с погодой не блестяще,
дождь смыл твои последние следы.
Я спрашиваю мой почтовый ящик,
но он молчит — как в рот набрал воды.

Мне надоело жить среди молчащих!
Возьми бумаги, ручку и чернил
и сделай так, чтоб мой почтовый ящик
в один прекрасный день — заговорил!

* * *

Посмотрите, маленькие птицы,
песней огласившие листву:
кошка пожелала приобщиться
к вашему большому торжеству.

Вот она, привставши на заборе,
вверх на тополь целится взлететь...
Птицы, вы не думайте, что в хоре
с вами захотелось ей попеть!

КИРИЛЛОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ

От века прославлен Кириллов!
Лишь только войдешь в монастырь —
и древность ворота открыла
во всю их могучую ширь!

Над влагой озерной возвысясь,
стена крепостная встает...
Не здесь ли седой летописец
истории слушал полет?

Пером не она ли водила,
которым царапал монах?
Глубокие корни пустила
история в этих стенах.

Здесь нету докучного шума,
здесь вещая, мудрая тишь,
здесь вспомнишь забытые думы,
забытый напев воскресишь —

напев, сокровенный и вещей,
что пела старинная Русь...
Нетленные, мудрые вещи,
я к вам еще, право, вернусь.

Вернусь я, душою возвысясь,
пить древних преданий струю...
Собор, как седой летописец,
поведал мне повесть свою.

На свете есть такая деревушка,
где не родился я, а лишь бывал.
Течет сквозь чащу чистая речушка,
на фоне леса виден сеновал.

Была война. Лишения и утраты.
И детству был отрадой этот путь —
дойти до ветхой мельницы крылатой
и в пруд, обросший ивами, взглянуть...

Пускай другой отрезок жизни начат
и времени полет необратим,—
благодарю святую ту удачу,
что стал я там природе побратим.

Я и теперь бываю там порою.
Хоть старики и померли давно,
там все — как встарь: опять передо мною
изба, крыльцо и низкое окно.

Но есть и новь: дома из камня строят,
как будто сказку новую творя:
невдалеке, за ближнюю горою,
встают, как в сказке, три богатыря...

Пусть не знаком я с новым населеньем,
но я, приязнью давнюю влеком,
не раз приду просить благословенья
у темных ив, склоненных над прудом.

Теперь недолго: подгоняет шины
асфальтовая быстрая стрела.
Деревня эта с детства до кончины,
как ива, в почву памяти вросла.

* * *

Сто жизней есть, пока есть юность,
есть после юности — одна...
Была серебрянее лунность,
была пахучее весна.

Зима казалась не суровой,
бодрее были холода,
спелей — звезда, певучей — слово,
и терпче — праздник и страда.

Там было все острее и ярче,
потом — скупей, тупей, тусклей...
Златая рыбка скажет: «Старче!
Не пожелай, а пожалей.

Не пожелай палат богатых
взамен полатей да избы,
а пожалей о днях крылатых,
о вешних днях твоей судьбы.

И во дворец тебя вселю я,
и златом будешь ты богат,
но только юность золотую
я не верну тебе назад!..»

ОЗЕРО

Вкруг по озеру — глянь — деревушки,
незатейливый быт и уют:
у окошек, ссутулясь, старушки
всё коклюшками что-то плетут.

Вот и я у одной квартирую
и поправить пытаюсь дела,
чтоб забыть суету городскую,
чтобы снова душа ожила.

Чуть не в темя долбя: «Отвечай-ка,
ты зачем тут, чего тебе тут?» —
остроклювые, резкие чайки
пуще клада гнездо стерегут.

Так, покой и уют обретая,
так, без счету купаясь на дню,
так, воистину здесь воскресая,—
нету слов как я это ценю.

Вон, взирая на рощи густые,
озирая озерную ширь,
точно памятник вечной России,
Ферапонтов стоит монастырь.

Как в такие места не влюбиться,
где природа настолько чиста!
Живописцы из дальней столицы
приезжают сюда неспроста.

Ты в столицах сегодня едва ли
изначальную Русь ощутишь.
Что в начале у ней? Не изба ли?
Не полей глубочайшая тишь?

Так и тянет настроить искусство
на прозрачность живительных вод...
Да вживутся и мысли и чувства
в этот сельский простой обиход!..

Перед всем я себя ощущаю
в неизбывном и вечном долгу.
На прощанье озерному краю
только доброе молвить могу.

Мир — и водам, и лесу густому,
мир — просторам полей и лугов,
и тебе, деревенскому дому,—
благ и мира во веки веков!

ГРИБНОЙ ГОД

Немало нынче было ягод,
а что касается грибов,—
так запасай их, парень, на год —
лишь бы хватало погребов.

Но, все луга у мелких речек
своим прибежищем избрав,
напоминал тебе кузнечик,
что не долга пора забав.

(Уподоблялся он с рассвета
астрономическим часам,
что ходят, правда, только летом...
Ты, впрочем, знаешь это сам).

Придет, придет пора другая,
пора печальная придет
и, гриб остатний предлагая,
страде итоги подведет.

Остынет осень и увянет,
и станет инеем роса,
и удивлен никто не станет,
что уж «зима катит в глаза».

И счастлив ты, что ни минуты,
еще гуляя по росе,
подобен не был пресловутой
пропевшей лето стрекозе.

Тебе запасов лета хватит —
они, считай, в крови твоей;
и кто собрал их — не растратит
до самых светлых вешних дней.

* * *

Есть в осени первоначальной...

Ф. И. Тютчев

Есть что-то от далекого былого
в осеннем запустении полей.
Туманный сон округе снится снова,
и древний храм ей словно бы родней.

Листок, слетая в пруд с озябшей ветки,
рождает в нем беззвучные круги.
Мерещится: ковром из листьев ветхих
былинных предков скрадены шаги.

Природа — как и встарь, во время оно —
опять свершает таинство свое.
Таинственные, вечные законы,
как древле, правят жизнью ее.

Спокойным увяданием объятый,
мир своего не помнит бытия...
Двадцатый век?.. Шестнадцатый?.. Десятый?..
Иль грезит наяву душа моя?

К ПОРТРЕТУ

Так, Батюшков, и ты, великий мастерище
российского стиха, — как время там ни свищет, —
до наших дожил дней, и слово не мертво,
хоть бездну лет назад шептал ты нам его,
колдуя над строкой перед свечой убогой...
Неторной в мыслях ты весь век шагал дорогой,
и то сказать — Поэт всегда пойдет по ней,
уверен, что дойдет до отдаленных дней,
притом же и других чему-нибудь научит...
Какие б над судьбой ни собирались тучи,
как мастер должен он и смену воспитать:
курчавый отрок есть — учителю под стать.
(Кто знал тогда, каким тот вырастет гигантом
и всех учителей затмит своим талантом!)

Но это разговор особый. А пока
учитель пред свечой. И верная рука
наедине с пером. И губы шепчут слово —
крылато и свежо, умело и толково!

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

А кто знавал его тогда,
когда судьба — слепая сила —
к нему не столь благоволила
и с ним дружна была нужда?

А он живал еще и так:
почти без денег, без жилища,
подчас питаюсь скудной пищей —
и впроголодь, и кое-как.

Он был в то время на мели.
(О том биографы напишут,
коль все подробности услышат,
что за дела произошли).

Тогда он в Вологду попал —
серьезно, видимо, впервые,
и вышло так, что не другие —
я кров ему в то время дал.

Ну вот он с нами и делил
тепло и холод в доме нашем,
и хлеб, и праздничную чашу
(чем Бог нас, в общем, наградил).

И он — скажу — не унывал,
и, кажется, ему писалось,
хоть это лишь его касалось
(отчета в том он не давал).

Чем мог — он тоже нам помог:
глядишь, дрова иной раз носит,
в обед, бывало, лепту вносит
иль сам — с покупкой на порог.

Меж тем тот самый первый год
стал для него началом славы,
которую ему по праву
с тех пор наш город воздает.

Так он всю зиму зимовал
(а та — ой-ой! — была шальной),
но чуть повеяло весною —
он попрощался и — умчал.

Надолго б, думаю, ему
связала редкостная память
снег, поморозню, стужу, замять
с дорогой к дому моему...

О чем тогда — и сколько раз —
не толковали мы на пару!..
Чего бы не дал я сейчас,
чтоб не дошло до мемуаров!

Вновь лазурь залила оком
над безбрежным, немислимым маем,
но опять поминальным вином —
поминаем.

Наш товарищ, ушедший вперед
в жизни, в творчестве, в смерти, в бессмертье,—
нас оттуда к себе не зовет.
Уж поверьте.

И его мы не в силах позвать.
Так стоим на невидимой грани.
Скоро станут, глядишь, увядать
и герани.

Увядая — снесут через грань
ну хоть отсвет зеленого мая?
(Или наши цветы — не герань?
Я не знаю).

Впрочем, важно не это, а то,
что, быть может, хоть отзвук привета
донесут, несмотря ни на что,
до поэта.

И однако — все это темно!
Может, это навеяно маем?..
Спи, товарищ! Уж так суждено.
Поминаем.

Не я ли говорил ему,
что он себя, конечно, губит,
что сук он под собою рубит,
что он во тьму идет! Во тьму!

Не я ли убеждал его
собраться с силами, взбодриться,
жениться — в общем, возродиться!
(Раз плюнуть, только и всего!)

Не я ли с жаром рисовал
и чистоту в квартире жуткой,
и смыслом занятые сутки,
и обретенный идеал!

И, говоря, надел пальто,
его все время убеждая,
его на этот путь склоняя...
Но сам-то верил ли я в то?

Стояла осень... Проливная!..

ЧАСЫ

Тот механизм занятым был, пожалуй,
не без причины:
кукушка в нем жила-существовала,—
в часах старинных.

Как час пройдет — окошко нараспашку,
и вмиг оттуда
выпархивает махонькая пташка —
ну прямо чудо.

И куковать на веточке садится...
Раз... Два... Десяток...
И вновь себя покажет мастерицей
по части прятков.

Я слышал, как предсказывает годы
кукушка в роще.
Ее сестра — была иной породы,
служила — проще.

И впрямь, она жила ведь неживая
в часах старинных,
свой мертвый долг в машине исполняя
вполне машинно.

Но в детстве это странным мне казалось
и сродным с тайной
(на утре дней и всякая-то малость
необычайна).

Да и часы! В какой еще квартире
такие были!
(Теперь про них, наверно, в целом мире
уже забыли...)

Но самым странным кажется, пожалуй,
что пташка-душка
самой себе конца не предсказала...
А ведь кукушка!..

ФЕРАПОНТОВО

И какой, и какой он неброский,
хоть и полный величия храм,
что сродни своим светлым березкам,
густокронным своим тополям.

И стоит это дивное диво,
духа русского суть, торжество,
над осенней тоскою обрыва
и над летним восторгом его,

И над зимней порой, где метели
белым пламенем камень белят,
и над вешней: грачи прилетели
и, ликуя, в деревьях шумят!..

* * *

Темнеет рано. Слишком рано.
И влажной марлею тумана
прикрыты ржавые кусты.
А налетит лишь тень бурана,
крупой швыряющая рьяно,—
так и пойдет гвоздить цветы.

Цветы ли, впрочем? Просто травы.
И те — как после злой потравы:
одни останки трав былых.
Свои у осени уставы.
Грибы и прочие забавы —
в корзине только снов моих.

Идет ноябрь. Со страшной силой
все отцвело, отгомонило,
перебродило, отошло.
И лодка старая уныла:
вон и река-то, вишь, застыла
да и незнамо где весло...

* * *

Т. А.

Все леса оберет листопад,
станут ночью туманы клубиться,
и приснится зимующим птицам,
что с утра непогода ярится,
и приснится зимующим птицам
снег и слякоть, и буря, и град.

Их юдоли кто может быть рад!
Но недолго и нам веселиться:
двум случайно слетевшимся птицам,
нам судьбина велит разлучиться —
разлучиться приходится птицам,
что в различные страны летят...

* * *

Все больше размываются черты
(их памяти уже не сохранить) —
черты твоей неброской красоты,
что ярче всех ярчайших, может быть.

Зарисовать их силую для себя,
да без таланта — разве воссоздашь:
бросаю лист, бумагу загубя,
кидаю и бесплодный карандаш.

Так что же остается-то во мне?
Воспоминанье. Только лишь оно.
И жить ему на дне, во глубине
души моей вовеки суждено.

Всмотрюсь в воспоминанье до глубин —
и, отданная темной глубиной,
пускай на миг, хотя б на миг один,
ты вся предстанешь вдруг передо мной...

ПОДОШЛА ОСЕНЬ

Сколько осени в этом году —
беззаконной, безвременной, ранней!
Потому никуда не уйду
от нагрывших воспоминаний.

Как их много, когда настает,
набежит, налетит и нахлынет
листопад, листосброс, листолет:
всю-то душу он, кажется, вынет.

Будто впрямь с обнаженьем дерев
обнажаются сердце и память,
точно осень, и к ним подоспев,
обнажает их сущность и ранит.

Иль в крови пробуждает она
ощущенье, что все — быстротечно:
вот цвели и любовь и весна,
да сменяют их осень и вечность?

Знаю только: когда листопад
разыграется напропалую,—
где сильней она — горечь утрат,
где прощальнее — боль поцелуя!..

НА РОДИНЕ МОЕЙ...

Уже не желтый вихрь змеится по панели
на родине моей — не мутный лиственный:
на родине моей снега осатанели,
воистину зима на родине моей.

Но есть еще во мне и впрямь остаток лета,
да, есть еще во мне, что в силах греть вполне:
я осенью собрал запас тепла и света —
накопленные впрок, они еще во мне.

Я грелся у костра. Я славословлю чудо,
что и в промозглой мгле горел он до утра.
Я грелся у костра. Еще, надеюсь, буду
я греться от него — я грелся у костра!

* * *

В чужих краях о Вологде — по песне
всего и судят: дескать, палисад;
а в остальном он, город мой, известней
не более, чем век тому назад.

Но ты была здесь —
и жизни ты свидетель,
что и до нас доносит новый день.
Где палисады канувшие эти?
Пусть не наводят тени на плетень.

И вдаль и вширь он, город мой, раздался
и к этажам привык теперь большим.
Он нервным стал, с покоем он расстался,
уже он тяжело дышит от машин.

Но старину ты видела седую
у стен его неброского кремля.
Широкий ветер прошлого там дует,
былым — насквозь пропитана земля.

Он, город мой, столетья там считает.
Тебе он вновь, мой город, будет рад.
А впрочем, если надобность такая,
я отыщу тебе и палисад.

ЧЕРЕМУХА В ГОРОДЕ

Под вечер черемухой вдруг
в асфальтовом царстве пахнуло —
как если б дохнул это луг,
как если бы роща дохнула.

Пахнуло — и все тут, хотя
нигде ее не было видно,
и мне — говоря не шутя —
так стало обидно-обидно,

что времени нет уже, нет,
что не изменить расписание
и что не удастся букет
нарвать для тебя на прощанье —

пахучий, пьянящий туман,
слепящую чудо-прохладу,
наркотик, отраву, дурман,
утеху, отраду, усладу!

* * *

Всё прощаюсь с тобой и прощаюсь,
а проститься никак не могу:
отвращаюсь и вновь возвращаюсь,
убегаю и вновь прибегу;
в заколдованном круге вращаюсь,
в заколдованном бьюсь я кругу —
и ликую я и огорчаюсь,
только круг разорвать — не могу!

* * *

«Ищите женщину!» Она — причиной
всему на свете, всему на свете,
и от нее мы, давно мужчины,
всегда зависим, как будто дети.

Приносит радость, несет удачу;
но чуть обидел ее в ответ ты —
она уходит, едва не плача...

...Ищите женщину — как в поле ветра...

* * *

Какие северные дни
здесь даже летом, даже летом!
И солнце в облаке над лесом
и ветер — вечности сродни.

И над холмом и над увалом
такая реет тишина,
что о былом и о бывалом
поведать может лишь она.

Такой покой царит над краем
вдали от суетных столиц,
что он бывает прерываем
лишь криком редких-редких птиц...

* * *

От истока до самого устья
проследить бы тебя мне, река;
жизнь свою — с ее радостью, с грустью —
вспоминать бы под шум ивняка.

Побрататься со всею бы Русью,
ощутить, как она велика;
всю судьбу ее — с радостью, с грустью —
пережить бы: века и века...

БАБОЧКА В СЕНТЯБРЕ

Уж осень. Невозможно осязать
луч солнечный: тепла он дать не может.
И бабочка пытается связать
день нынешний и тот, который прожит
давным-давно. Но крылья, несмотря
на легкость и врожденную сноровку,
стараятся так зря, так зримо зря,
что делается больно и неловко...

* * *

И паутина сплетена,
а паука на месте нету:
прозрачайшая тишина
опять опутала планету.

Где мошек звонкие рои,
в лесу сновавшие повсюду?
Округа в сонном забытии —
и мой паук не верит чуду.

Он, безработный с этих пор,
успел куда-то схорониться;
зато грибам теперь — простор:
в тиши легко на свет родиться.

Вновь осень царственно щедра:
бери дары ее, прохожий!
Вновь полнокровна и пестра
палитра той поры погожей.

И, сын родимой стороны,
я снова странствую, скитаюсь
и вновь в отчизне тишины
к какой-то тайне приобщаюсь...

ПРИ СВЕТЕ ДНЕВНОМ

При свете дневном показался виднее
собор, чей фундамент — в веках глубоко:
недюжинней — облик, колонны — стройнее,
все зданье — величественно и легко.

При свете дневном показалось виднее,
насколько заброшен, запущен собор...
И тут говорят мне, ничуть не краснея,
что ждет возрожденье его с этих пор.

Отпущены средства, к работам скорее
приступят, чем можно и предположить...
При свете дневном показалось виднее,
что средства давно бы пора отпустить.

И так я стоял перед ним цепenea
(хоть в правду поверил, в ее торжество!)...
При свете дневном показалась виднее
нелепость: принизить, порушить его!

ФИЛЬМ-СОН

Когда всю нефть до капельки сожгли,
когда машины стыли мертвым ломом,—
деревья вдруг решились и пошли
возить людей средь этого содома.

Когда коней давно и в деревнях
ни вороных не стало и ни белых,—
тогда деревья, стоя на ветвях,
везли людей вдоль улиц омертвелых.

Да, вырвав свои корни из земли,
стволами по земле ползли деревья:
обочиной людей они везли,
что не дивились этому кочевью.

Могло лишь злобу в людях вызывать
движенье с черепашьей быстротою!..
Что ж! Людям свойственно повелевать,
деревьям — отличатся добротою.

БИТВА

Сотекшийсь под знамена,
шли и пеший и конный
за святые иконы
живота не щадить.

Чадам, внукам — примеры,
за отчизну и веру
шли врагу-изуверу
путь на Русь — заступить.

Шли и конник и пешник,
ратай шел и помещик,
праведник али грешник —
все едино уже.

Животы положили,
а врага — разгромили,
путь ему — заступили
на святом рубеже!

* * *

Как зовется тот греческий храм, пощаженный веками,
что миллионы туристов к себе и манит и манил?..
Наши храмы — монголы предавали вселенскому пламени,
дабы русского духа — даже камень и тот не хранил..

Я с трудом вспоминаю, как он все же зовется — святыня,
что и ныне близ моря иль в морскую глядится лазурь...
А по нашим-то храмам лишь немая рыдала пустыня:
тишина — хоть на время — заглушает безумие бурь...

Мне не вспомнить, ей-богу, и преданья и мифы какие
с храмом греческим связаны,— да и зачем это мне...
Только память и кровь все хранят полыханье стихии,
все как будто я вижу белоснежные стены в огне!

ПЕРВЫЙ СНЕГ У СТЕН ВОЛОГОДСКОЙ СОФИИ

И церкви у стылой реки
и белые особняки
глядят, как летят мотыльки —
снежинки, легки и хрупки.

Летят — под крылом тишины
неся невесомые сны,
для слуха совсем не слышны,
и чуда и тайны полны.

Летят — и не пух и не прах,
рябят — пред очами, в очах,
и чувствуешь: дух не зачах,
и предков язык — на устах.

Ведь сердцу — в добре и во зле,
в столице и в малом селе —
нет места милей на земле,
чем это — где купол во мгле...

БЕЛЫЕ НОЧИ

Белые ночи в деревне белее, длиннее,
дольше землею владеют, над миром довлеют:
сгустками камня не стиснуты близи и дали —
свет источают, который и днем источали,
свет сохраняют, он в них столь надежно посеян,
как и не снилось тщедушным от смога аллеям,
свет не расхищен, асфальтом горючим не впитан —
в полную силу в безмолвии сельском царит он;
росы ночные свеченье небес умножают,
дух прохлаждающий, дух полевой — продлевает,
зелень лугов и недалевого леса полоска
свет оттеняют — настойчиво, пусть и неброско,
даже туман, уподобленный млечным озерам,
светом святым предстает притомившимся взорам,
свето-дыханьем и свето — стоит — продолженьем:
свет и землею поим светозарным свеченьем;
и мотыльки, светоносным нарядом белея,
делают свет протяженной, сохранней, длиннее...
Истину ли проповедую вам прописную?
Нет же! Открыл ее, не отошедши ко сну, я!

ИЮНЬ

Горяч июнь — и в этом веский довод,
что зол-нещаден неотлипа-овод
на отмелях, обрывах берегов,
среди ивняков, цветков и тростников.

Июнь — горяч: на водопое стадо,
от зноя ошалев, прохладе радо.
Щедры луга, где пó пояс трава,—
да овод не отлипнет, черта с два!

Горяч — горяч! Но уж никак не горек:
таких весь год не будет свежих зорек,
таких жемчужно-нежных вечеров,
столь теплых дней, когда не до костров.

А оводы? Работаешь руками
(скотина соответственно — хвостами)
и, как с цепи сорвавшихся собак,
их отражаешь. Так и только так!

* * *

Нежность красок осенней березы!
Золотисто-жемчужную суть
лишь художник способен без прозы
в золотую же раму замкнуть.

А слова?
Ее шелест напевный
тихоструйно журчит в ветерке,
и грустит она юной царевной
в захолустном лесном уголке.

В час, когда еще бури лихие
не сошли с омраченных небес,
под крылом еще мирной стихии
озаряет она этот лес.

Что-то шепчет осине-подружке
у дремучих боров на краю
и царевной грустит на опушке,
а красу и не знает свою.

Я спешу, далеко не бесстрастный,
втиснуть в Слово всю прелесть ее,
но всегда бесконечно прекрасней
не слова, а само бытие.

Ветром, воздухом, светом, простором
вся описана лучше, чем мной,—
так трепещет она, что ей впору
стать Поэзии выше самой!..

ИВА

Л. С.

Я листьями твоими —
дышал,
ствол обнимал твой —
лелеял.

Жаль только,
корни твои —
в земле не моей
от века...

СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

На земле великой, чудной, древней —
нетрудоспособные деревни.

Скоро, может быть, и навсегда
такowymi ж станут города.

К пропасти страна моя сползает.
Как себя спасти — сама не знает.

ИЗОБРЕТАТЕЛИ ВЕЛОСИПЕДОВ

Не веруя в расчеты дедов,
не грея руки на готовом,—
не по проторенному следу
идут они — в венце терновом.

Того, конечно, не имеют,
что дарит Власть пенкоснимателям
и всяким разным прихлебателям,
и прочим из подобной братии,
кто лимузинами владеет
по праву высшей бюрократии.

Но за чертеж велосипеда
они до смерти станут драться...
Когда-нибудь лучи победы
и в их бокалах отразятся!

Потомки же пенкоснимателей,
что всё гонили и гноили,
поклонятся изобретателям,
что век грядущий предварили!

СОВРЕМЕННАЯ БЫЛИНА

Мне б да написать вот этот вид,
но — талантом обделен...
Речка в рощах царственных журчит
под покровом-кровом крон.

Только лес возьми да расступись:
чистым золотом горя,
три березы рядом поднялись —
ровно три богатыря.

И за речку зорко вдаль глядят,
за дремучий смотрят лес:
не грядет ли снова супостат,
не видны ль враги окрест?

О врагах им Время шлет ответ:
внешних — нет здесь с древних пор,
супротив своих же — силы нет:
сгубят речку, срубят бор...

Здесь вроде цел и луг и лес,
чиста в реке вода...
Но дух тревоги не исчез —
он с нами навсегда.

О, катастрофы!.. Несть числа...
В мазуте — водоем...
Смерть радиацией легла...
И яд и газ — кругом...

Цыгарку — в зубы...
Но в мозгу —
как озаренье вдруг:
лишь только спичку я зажгу —
и вспыхнет все вокруг!

БАЛЛАДА О БЕЛОЙ ГОЛОВЕ

Пушкин искал свою смерть — потому,
что уж нагадано было ему:
«Как бы ты ни жил, но карты — правы:
примешь от Белой ты смерть Головы».
Так он судьбу свою часто пытал,
так — задирался, под пулю вставал,
если соперник в любви, например,
был белокурый лихой офицер.
Предотвращали дуэли — друзья:
«Гибели жаждешь, над бездной скользя?»

Если ж враги раздували раздор —
вновь кто-то мчался гасить этот спор.

Но когда встал на дороге Дантес, —
тут уж выиграл не азарт-интерес,
тут не бравада поэта опять:
вышел он Правду и Честь отстаять,
пусть привезут даже трупом — к вдове!..

Помнил о Белой ли он Голове?

СТАТУЯ*

В тених и зелени, одна,
грустит она...
Разбит кувшин — конечно, жаль...
Что ж — всё печаль?
А дар Поэта — злато строк
на вечный срок?!..
Не поседела с дней Его —
о, волшебство...
Но, Им воспетая, с тех дней
она — грустней.
С тех пор как Он погиб, убит —
по Нём скорбит...

* Знаменитая «Девушка с разбитым кувшином» в Царском Селе, воспетая А. С. Пушкиным (и многими другими).

НА РОДИНЕ КЛЮЕВА

Стогами меченые пожни,
реки густой и темный ток;
тревожной осень и тревожной,
и тайный смысл ее — глубок.

А мы стоим у пепелища,
где прежде был поэта дом;
все что-то ищем, что-то ищем,—
но только память здесь найдем.

Есть дом другой — в селенье рядом,
от бед хранимый и невзгод,—
пусть он пока под детским садом
и малый в нем живет народ.

Доска на доме. Память это.
А рядом школа. И мальцы
узнают больше про поэта,
чем знали в прошлом их отцы.

До них дойдут слова поэта!
Ведь Книга в каждый дом войдет,
в которой он, носитель света,
всю жизнь радел за свой народ!

НА УЛИЦЕ МОРОЗНОЙ

В. Б.

Попалась мне навстречу вчера чужая мать,
поговорить решила со мною, словно мама:
ведь знала, то своей мне уж больше не видать,
души ее не чуют — родной и милой самой.

И вот мы говорили на улице морозной
о том, что в жизни этой друг друга долго знали,
что с сыном ее прежде я ближе был... Но розно
(я про себя подумал) теперь мы, в дни печали.

Она меня о многом расспрашивала — даже
как у сестры судьбина сложилась, как там дети...
Сказала: в доме нашем была однажды... Я же
ответствовал, что дома давно уж нет на свете.

Поведала она мне о жизни и своей:
сейчас живет — не тужит, благодарит судьбину;
и выглядела бодро, хоть на лице у ней —
свидетельства былого — означились морщины.

И так утешно было ее мне увидеть,
ей пожелать здоровья, всех благ, что есть на свете,
и обрести отраду, как будто это мать
на улице морозной нечаянно я встретил...

ВЕЧЕР

Замер июль.
Не шелóхнется вечер.
Земляника поспела, черника.
Лук топорщится перьями.
Зелени всякой — раздолье.

Каждый час, каждый миг
зреет для жизни жизнь —
для нее политики нет.

СЛАВЯНСКИЙ ДЕНЬ

В сей день над древним Волховом светло,
и очистительность грозы — не за горами.
Рассвет добра, и поправное зло,
и праздник — в нас, над нами, между нами.

Старинный Кремль — свидетель всех веков,
гостей он привечает и хозяев.
Как свет в наплывах туч и облаков,
он пережил Батыев и Мамаев.

Он, переживший черный гром войны,
невиданной в истории народов,
нам говорит, что правда старины —
оплот грядущего, основа новых восходов.

Он много говорит нам кой-чего,—
и мы равненье держим на него.

СОДЕРЖАНИЕ

«Видишь — ивы входят в речонку...»	3
«Хлебозавод особо уважаю...»	3
«Вечер беден, застенчив и прост...»	4
Радуга	4
«Хороший август...»	5
«Октябрь. Как будто чаши...»	5
Зима	6
Зимняя песня	7
Мать	8
Сентябрь	8
«Здесь чистая застенчивая осень...»	9
«В аллеях, где ряды нагих акаций...»	9
«От крыльев — гул...»	9
«Теперь, когда с погодой не блестяще...»	10
«Посмотрите, маленькие птицы...»	10
Кирилловский монастырь	11
«На свете есть такая деревушка...»	12
«Сто жизней есть...»	13
Озеро	14
Грибной год	15
«Есть что-то от далекого былого...»	16
К портрету	17
Памяти Николая Рубцова	18
«Вновь лазурь залила окоем...»	20
«Не я ли говорил ему...»	21
Часы	21
Ферапонтово	23
«Темнеет рано...»	23
«Все леса оберет листопад»	24

«Все больше размываются черты»	24
Подошла осень	25
На родине моей	26
«В чужих краях о Вологде...»	26
Черемуха в городе	27
«Всё прощаюсь с тобой...»	28
«Ищите женщину!..»	28
«Какие северные дни...»	29
«От истока до самого устья...»	29
Бабочка в сентябре	30
«И паутина сплетена...»	30
При свете дневном	31
Фильм-сон	32
Битва	33
«Как зовется тот греческий храм...»	33
Первый снег у стен вологодской Софии	34
Белые ночи	35
Июнь	35
«Нежность красок осенней березы...»	36
Ива	37
Сегодня и завтра	38
Изобретатели велосипедов	38
Современная былина	39
«Здесь вроде цел и луг...»	40
Баллада о Белой Голове	40
Статуя	41
На родине Клюева	42
На улице морозной	43
Вечер	44
Славянский день	44